Хозяйственно-политическая роль Германии в Евросоюзе

Аннотация. С момента создания ЕОУС, ЕЭС и Евратома ФРГ последовательно укрепляла свою роль в рамках процессов западноевропейской экономической, а затем и политической интеграции. После объединения двух немецких государств германские политики особое внимание уделяли сохранению баланса между национальными и европейскими интересами, стремясь к созданию в 1990-е и 2000-е годы «европейской Германии», а не «германской Европы». В последние два десятилетия ФРГ стала протагонистом институциональных изменений в Евросоюзе и ревнивым надзирателем (смотрителем) за выполнением странами – членами ЕС Маастрихтских соглашений и Пакта стабильности. Немецкое политическое руководство поддержало основные реформы, предложенные Э. Макроном в 2017 г. Наряду с неоднозначными решениями в рамках миграционной политики, явным хозяйственно-политическим доминированием давление, которое оказывает ФРГ на южно-, центрально- и восточноевропейские страны, обуславливает открытое недовольство немецкой политикой и моделью поведения

---

¹ **Белов Владислав Борисович** – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий Отделом страновых исследований, руководитель Центра германских исследований Института Европы РАН (vladislavbelov@yandex.ru).

во многих европейских государствах, что способствует формированию евроскептических настроений среди граждан Евросоюза. Федеральный канцлер А. Меркель, уже более 13 лет руководящая правительственными коалициями, и ее нынешний кабинет в начале 2019 г. столкнулись с рядом серьезных внутренних и внешних вызовов. От эффективности ответов на них во многом зависит вектор дальнейшего экономического развития Евросоюза. В статье анализируются вопросы актуальной хозяйственно-политической роли Германии в ЕС. Особое внимание уделяется франко-германскому сотрудничеству, Брекзиту, еврозоне, процессам дигитализации, промышленной политике и энергетической безопасности Европейского союза. Делается прогноз о среднесрочной роли и месте ФРГ в ЕС.

Ключевые слова: Евросоюз, ЕС, Германия, Франция, Россия, евро-зона, Брекзит, дигитализация, энергетическая безопасность.

ФРГ вместе с Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом – одна из основателей Европейского объединения угля и стали (1952), Евратома (1957) и Европейского экономического сообщества (1957), которые эволюционировали до современного Евросоюза, объединявшего к концу 2018 г. 28 стран-участниц. Более чем 60-летняя история этих уникальных организаций непосредственно связана с послевоенной историей сначала разделенной, затем объединенной Германии, которая за этот период стала ведущим политическим и экономическим государством ЕС и одним из инициаторов его нынешних реформ.

В новейших российских исследованиях основное внимание до сих пор уделялось политической роли объединенной Германии в Европейском союзе. В этом отношении можно выделить работы профессора МГИМО МИД РФ Н.В. Павлова, коллектива германистов Научного исследовательского Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН – В.И. Васильева, А.М. Кокеева, Ф.А. Басова. Отдельное внимание российские ученые (Ю.И. Рубинский, Е.О. Обичкина, Е.П. Тимошенкова, Н.Н. Тимофеев, С.М. Фёдоров) уделяли политической роли германо-французского тандема в Евросоюзе. Комплексного анализа экономической роли ФРГ в современном Европейском союзе пока не проводилось. На данном направлении можно выделить лишь

отдельные работы, посвященные разным аспектам этой роли: чл.-корр. РАН А.В. Кузнецова (торговля, инвестиции), Б.Е. Зарницкого (еврозоны), Е.А. Сидоровой (фискальные вопросы), Н.В. Супян (банковский союз). Ряд вопросов политического и экономического взаимодействия Германии и ЕС рассматривался профессором РАН А.А. Синдеевым (см., к примеру: [Белов, 2018 а; Меняющаяся роль., 2018; Пределы лидерства., 2018; Рубинский, 2017; Современная Германия., 2015, с. 110–126, 572–590]).

За рамками научного анализа до настоящего времени оставались экономические вопросы германо-французского тандема, роли ФРГ в регулировании процессов Брекзита, цифровой трансформации европейской экономики, формирования новой промышленной политики ЕС, обеспечения хозяйственно-политической безопасности Евросоюза. Настоящая статья призвана отчасти восполнить этот пробел.

Экономическая мощь ФРГ – основа для германского лидерства и реформ в ЕС

Германия с 82,9 млн жителей – крупнейшая страна ЕС-28 (по населению – 16,2%, по площади – 8,4%). В 2017 г. на ее долю приходилось 21,3% ВВП ЕС, 24,5 – экспорта и 20% импорта товаров. Положительное внешнеторговое германское сальдо (252 млрд евро) обеспечивало актив Евросоюза во внешней торговле (87,8 млрд евро)¹. У ФРГ самое большое количество депутатов в Европейском парламенте (с мая 2014 г. по май 2019 г. – 96 членов), что позволяет ей влиять на принимаемые решения в области экономики.

Экспортно-ориентированная экономика ФРГ (совокупная экспортная квота страны равна 47,3%) больше всего зависит от поставок товаров и услуг на рынки государств – членов ЕС. Их доля в германском товарном экспорте составляет 58%, импорте – 67%. Из этого вытекает заинтересованность германского государства в высокой конкурентоспособности всех европейских народных хозяйств и их экономических субъектов, которые обеспечивают вы-

---

¹ Здесь и далее рассчитано автором по материалам сайтов: [Destatis, 2019; Eurostat Database, 2019].

сокий спрос на немецкую продукцию, а также возможности для сбыта на рынках ФРГ.

Самая высокая доля немецких товаров в страновом импорте в 2017 г. была у Австрии – более 40%, Чехии и Польши – около 35, более 25 – у Венгрии и почти 20% у Франции, которая является ведущим торговым партнером страны в ЕС. При этом в Германию идет около трети всех экспортных поставок из Чехии, чуть менее трети – из Австрии, Венгрии и Польши, выше одной пятой – из Нидерландов, Люксембурга, Словакии и Румынии, около одной шестой – из Франции. Особую роль играет германский спрос на промышленные товары, в особенности на полуфабрикаты и комплектующие. Здесь выделяется автомобилестроение [So wichtig., 2017].

Для германской экономики характерен высокий процент взаимных прямых инвестиций с рядом стран ЕС. По статистике МВФ, в Австрии и Греции на германские накопленные инвестиции в 2016 г. приходилось более 20%. Несколько меньше – в Польше, Чехии и Румынии. Но в абсолютных цифрах лидерами являются Голландия (около 220 млрд евро), Великобритания (более 80 млрд евро), Люксембург (почти 80 млрд евро) и Франция (около 64 млрд евро) [Кузнецов, 2018, с. 12–13]. Речь идет не только о крупных германских транснациональных корпорациях, но и о средних и малых компаниях, на которые приходится существенная часть организованных ими внутрифирменных товарных потоков в рамках внутренних европейских цепочек создания стоимости. Эти компании во многом содействуют росту конкурентоспособности народных хозяйств других стран – участниц ЕС.

Среди государств – членов ЕС Германия в последнее десятилетие во многом стала образцом в проведении макроэкономической политики, направленной на стабилизацию государственных финансов, снижение безработицы, цифровую и энергетическую трансформацию. Например, за этот период она не только перешла от госбюджетного дефицита к профициту, но и смогла существенно снизить уровень госдолга, размер которого к ВВП в 2019 г. будет соответствовать маастрихтскому критерию в 60% (максимально допустимый показатель). Экономический рост в стране

беспрерывно продолжается с 2010 г., что среди прочего привело к минимальной численности безработных и максимальному количеству занятых в народном хозяйстве.

Хозяйственно-политические успехи дают основания руководству ФРГ, с одной стороны, требовать от остальных государств – членов ЕС соблюдения принятых критериев, норм и правил, а с другой, – реагируя на внутренние и внешние вызовы, инициировать и проводить реформы интеграционной группировки. В первую очередь, это касается монетарной стабильности в еврозоне и финансовой дисциплины в ЕС в целом.

Нередко оказываемое германским высшим политическим истеблишментом достаточно жесткое давление на партнеров вызывает у них негативную реакцию как на уровне власти, так и на уровне общества, содействуя формированию не столько антигерманских, сколько евроскептических настроений. Как правило, это происходит в странах с нерешенными экономическими проблемами или сильными популистскими / националистическими движениями. Среди таких государств – Греция, Испания, Италия, Польша, Венгрия, Болгария, Румыния.

Правительство большой коалиции в составе ХДС/ХСС и СДПГ, пришедшее к власти в марте 2018 г., стараясь учесть ошибки прошлого, в коалиционном договоре под названием «Новый прорыв для Европы» сформулировало лейтмотив своей будущей деятельности следующим образом: «Мы вместе выступаем за то, чтобы Германия на деле доказывала свою способность нести повышенную ответственность за ситуацию в Европе в духе партнерского сотрудничества и взаимной солидарности» [Ein neuer Aufbruch., 2018, S. 6]. Для канцлера А. Меркель и ее кабинета важнейшими задачами стали сохранение сплоченности ЕС и предотвращение центристских тенденций в условиях Брекзита, нелегальной миграции и «трампизации» внешней политики США через проведение комплексных реформ и соблюдение принципа солидарной ответственности европейских государств (и входящих в них регионов) в рамках решения совместных задач. В последующие годы Германия рассчитывает на существенное расширение инвестиционной активности стран – участниц ЕС и их частных

субъектов при условии соблюдения основополагающих принципов социального рыночного хозяйства и с учетом происходящих процессов глобализации и дигитализации. Важнейшим партнером Германии в проведении реформ ЕС является Франция.

Хозяйственно-политический тандем Берлин – Париж

Германо-французское партнерство уже больше полувека является одним из столпов западноевропейской интеграции. Его институциональной основой с января 1963 г. по январь 2019 г. был Елисейский договор, подписанный канцлером К. Аденауэром и президентом Ш. де Голлем. А. Меркель и Э. Макрон 22 января 2019 г. в германском городе Аахен, не дожидаясь очередного юбилея, подписали новое соглашение, в котором уточнили и расширили договоренности начала 1960-х годов [Hummer, 2019].

Инициатором выступил Э. Макрон, который во время своей знаменитой речи в Сорбоннском университете в сентябре 2017 г. заявил о готовности заключить новый договор о дружбе с ФРГ, назвав его «знаком стабильности и символом, противостоящим кризисам в ЕС». Во время празднования 55-летия Елисейского договора в январе 2018 г. было принято совместное заявление. В нем говорилось о том, что новое соглашение предполагает «углубление интеграции двух экономик и гармонизацию законодательства Франции и ФРГ, усиление связей между гражданским обществом в двух странах, более тесный диалог по внешней политике и безопасности, энергетическую и технологическую кооперацию» [Меняющаяся роль..., 2018, с. 28]. Парламенты обеих стран, одоблив это заявление, выразили надежду разработать новый договор до конца 2018 г.

Новое правительство Германии в составе ХДС/ХСС и СДПГ сдержанно отнеслось к ряду европейских инициатив французского партнера, в частности, оно не поддержало идею единого бюджета и парламента еврозоны, а также введения поста министра финансов. Совместные реформаторские предложения были согласованы во время встречи А. Меркель и французского президента в июне 2018 г. в Мезеберге [Erklärung von Meseberg., 2018]. Затем до конца года идея обновления исторического договора была отло-

жена. В декабре 2018 г. появился шестистраничный документ на английском языке, который был раскритикован экспертами за отсутствие комплексного подхода к двустороннему сотрудничеству и знаменателя, объединяющего интересы двух стран, с одной стороны, и ЕС – с другой. После этого в режиме «внутриведомственного мозгового штурма» документ был переработан. Окончательный вариант договора презентовали и торжественно подписали в Аахене.

Канцлер и французский президент были убеждены – они посылают важный сигнал всему ЕС о том, что его «ядро» остается прочным и способно гарантировать проведение необходимых реформ. Одновременно оба политика также рассчитывали, что это событие может поддержать их пошатнувшиеся позиции внутри собственных стран¹.

Аахенский договор (преамбула и 28 статей, объединенных в 7 глав) [Vertrag zwischen..., 2019] во многом развивает идеи французского президента, озвученные еще во время предвыборной борьбы, о необходимости преодоления существующего дисбаланса сил и интересов между Францией и Германией через жесткую неолиберальную модернизацию французской экономики, взаимодействие и сотрудничество в еврозоне в сферах бюджетной и налоговой политики, государственной задолженности, поддержки капиталовложений в НИОКР, инновационной инфраструктуры, образования.

В области экономики оба государства подчеркивают свою приверженность достижению общеевропейских целей, касающихся Экономического и валютного союза, повышения его конкурентоспособности, особенно промышленной, и, соответственно, совместному решению задач по последовательной и устойчивой экономической, налоговой и социальной конвергенции.

В области обороны была озвучена идея развития национальных военно-промышленных комплексов. Оба государства за-

---

¹ А. Меркель в декабре 2018 г. оставила пост председателя ХДС, заявив, что уйдет из политики в 2021 г. Э. Макрон столкнулся с масштабными уличными протестами «желтых жилетов», с которыми не смог наладить конструктивный диалог, а его рейтинг упал до самого низкого уровня.

интересованы в загрузке их госзаказами, совместном производстве вооружений, в т.ч. наземной, воздушной и космической техники, а также в их экспорте.

Приоритетным направлением заявлена двусторонняя кооперация в создании единого конкурентоспособного германо-французского хозяйственно-политического пространства. За гармонизацию правовых норм и координацию конкретных мероприятий будет отвечать Германо-Французский совет по экономике и финансам. Кроме того, создается совместный Совет экономических экспертов и «Фабрика будущего» – дискуссионная площадка для заинтересованных предпринимательских и прочих союзов, а также хозяйствующих субъектов. Предусмотрено взаимодействие, в т.ч. финансовое, в области НИОКР и цифровой трансформации, включая прорывные инновации и искусственный интеллект (ИИ).

При этом стороны воздержались от включения в договор вопросов гармонизации налоговой политики – одной из самых амбициозных целей Э. Макрона. Внимания заслуживают усилия по развитию экономик еврорегионов (интеграция и расширение транспортной инфраструктуры, создание совместного рынка труда).

Германо-французские цели и задачи, имеющие ярко выраженную проевропейскую направленность, в каждом положении договора ориентированы на поддержку европейской интеграции. Тем не менее они вызвали явное недовольство популистски настроенных политиков как внутри Франции и Германии, так и в других странах ЕС, в т.ч. в Италии, Польше, Болгарии, Румынии и Прибалтике.

Насколько происходящее сближение двух ведущих государств ЕС окажет влияние на еврооптимистические и евроскептические настроения в других странах, покажет будущее. В любом случае реализация поставленных целей будет зависеть не только от нового состава Европарламента, но и от внутривнутриполитической ситуации во Франции и ФРГ.

Лидерство в дигитализации экономики и промышленной политике ЕС

Германия с середины 2000-х годов (с приходом к власти А. Меркель) активизировала государственную поддержку инновационного развития экономики. В 2013 г. в рамках очередного коалиционного соглашения было принято решение в качестве важнейшего приоритета развивать стратегию «Индустрия 4.0» – по своей сути, цифровизацию сферы промышленности. Оригинальная концепция была предложена представителями германской науки, бизнеса и государства в апреле 2011 г. как ответ на вызовы грядущей Четвертой промышленной революции и получила поддержку в рамках государственно-частного партнерства со стороны большинства групп по интересам. Одной из первых немецкому примеру последовала Франция. Бывший в то время министром экономики Э. Макрон инициировал принятие плана «Будущее промышленности», который во многом копировал разработки немецких коллег. Инициативу поддержала Чехия, у которой имеется высокоразвитый промышленный сектор с высоким удельным весом немецкого капитала. Среди других стран, решивших продвигать концепцию цифровизации промышленности, – важнейшие внешнеэкономические партнеры ФРГ по Евросоюзу: Великобритания, Нидерланды, Италия, Испания. С Парижем и Прагой Берлин заключил двусторонние соглашения о кооперации в области цифровизации промышленности.

В начале февраля 2019 г. министр экономики и энергетики ФРГ П. Альтмайер выступил с инициативой ускорения разработки национальной промышленной политики, которая должна координироваться с аналогичной политикой на уровне Евросоюза. Поставленную несколько лет назад задачу повышения доли промышленности в отдельных странах и в ЕС к 2020 г. по причине отсутствия прогресса перенесли на 2030 г. В 2013 г. по инициативе Франции, поддержанной ФРГ, был создан европейский формат обсуждения рамочных условий развития и повышения конкурентоспособности индустриального сектора – Конференция друзей промышленности («Friends of Industry» Conference). Предпоследняя встреча прошла в Берлине в июне 2017 г. Представители

20 государств ЕС (на уровне министров) приняли «Берлинское заявление», в котором сформулировали основные требования к общей европейской промышленной стратегии. С учетом его требований в сентябре 2017 г. Европейская комиссия разработала документ «Инвестиции в наукоемкую, инновационную и устойчивую промышленность – новая стратегия индустриальной политики». В ноябре 2017 г. техническое правительство Германии поддержало данный документ, призвав европейских коллег к скорейшему наполнению его положений конкретным содержанием. Но в течение 2018 г. особого прогресса ни на национальном, ни на европейском уровне не произошло. 18 декабря 2018 г. в Париже состоялась очередная Конференция друзей промышленности – ее участники в своем коммюнике подтвердили сформулированные положения новой промышленной политики. Германия настояла на включении положений о необходимости углубления кооперации в области прорывных технологий, в т.ч. в производстве аккумуляторных элементов, а также в сфере искусственного интеллекта.

Особенностью вышеупомянутой инициативы немецкого министра стал призыв к коллегам и чиновникам Брюсселя обсудить параметры эффективной государственной поддержки промышленного сектора, без которой невозможно обеспечить долгосрочную конкурентоспособность европейских промышленных компаний на мировых рынках. Примером лучшей практики в этой области П. Альтмайер считает китайскую госпрограмму «Сделано в Китае 2025». В то же время крупнейшие китайские компании, опирающиеся на существенную государственную поддержку, рассматриваются в ФРГ и во Франции как основной стратегический вызов для отечественного и европейского бизнеса¹. В целях сохранения позиций своего бизнеса в средне- и долгосрочной перспективе Берлин и Париж потребовали от Брюсселя изменить регламент, регулирующий конкурентную политику ЕС, и разрешить слияние ведущих национальных игроков в важнейших для европейской экономики сферах промышленности, на-

---

¹ В конце 2016 г. Берлин и Париж выступили инициатором ужесточения контроля ЕС над инвестициями в стратегически важные отрасли, в первую очередь со стороны китайских компаний.

пример в производстве железнодорожной техники и оборудования¹.

Германия и Брекзит

Великобритания – третий по значению внешнеторговый партнер ФРГ в ЕС. В глубокую экономическую кооперацию с Соединенным Королевством вовлечены компании машино- и автомобилестроения, химической промышленности и финансово-банковской сферы. Поэтому германское руководство сразу после референдума, констатируя отсутствие проработанных сценариев выхода Великобритании из ЕС, выступило с инициативой согласования процесса Брексита на взаимоприемлемых условиях для всех участников. В конце июня 2016 г. федеральный канцлер А. Меркель заявила, что Евросоюз не должен быть груб и высокомерен по отношению к Великобритании на переговорах о выходе страны из ЕС. Во многом благодаря Берлину к концу 2016 г. Лондон и Брюссель достигли понимания того, что итоговая договоренность, устраивающая обе стороны, должна быть построена на компромиссах, минимизирующих издержки, а также ориентирована на максимальный учет баланса взаимных интересов. Одновременно ФРГ заняла жесткую позицию относительно неукоснительного выполнения Великобританией финансовых обязательств в качестве государства – члена ЕС [Белов, 2018 6].

Первая фаза переговоров (при активном участии Германии) продлилась с июня 2017 г. до середины декабря 2017 г., когда на саммите ЕС в Брюсселе стороны констатировали достижение «достаточного прогресса». После этого формально началась вторая фаза, в ходе которой Брюссель и Лондон обсудили условия переходного периода и рамочные условия будущих отношений.

Примечательно, что в коалиционном договоре ХДС/ХСС и СДПГ, подписанном 8 февраля 2018 г., практически нет упоминаний о Брексите. В документе сказано: «Мы сожалеем о выходе Соединенного Королевства из Европейского союза. И после выхода

---

¹ В феврале 2019 г. ЕС запретил сделку по слиянию французской компании «Альстом» и немецкого концерна «Сименс».

мы также желаем продолжения доверительного сотрудничества между Федеративной Республикой Германия, Великобританией и ЕС-27»¹ [Ein neuer Aufbruch..., 2018, S. 9]. Официальный Берлин в меру своих возможностей продолжил противостоять попыткам британской стороны добиться максимальной выгоды и односторонних уступок со стороны ЕС. Так, Берлин весьма критически воспринял презентованную Лондоном в июле 2018 г. Белую книгу по Брекзиту, описывающую мягкий вариант развода: «Выйти из Евросоюза, но остаться в Европе».

В ноябре 2018 г. Брюссель и Лондон договорились об условиях «развода», но с трудом согласованный документ был отвергнут британской Палатой общин. Ее члены сочли, что его содержание не отвечает интересам Великобритании, и потребовали от премьер-министра начать новые переговоры. Однако ЕС, отклонив любые варианты дополнительных обсуждений, фактически поставил Соединенному Королевству ультиматум – или выход из Евросоюза согласно достигнутым договоренностям, или «нерегулируемый» Брекзит.

По состоянию на середину февраля 2019 г. наиболее вероятным был второй сценарий – самый неблагоприятный для всех участников. Немецкое бизнес-сообщество, высоко оценивая связанные с ним риски, подготовило специальные планы действий на случай возникновения экстремальных ситуаций. Но при любом варианте развития событий, даже несмотря на возможные существенные убытки отдельных немецких компаний и негативные последствия для экономики ФРГ², Великобритания в среднесрочной перспективе останется одним из основных внешнеэкономических партнеров Германии, руководство которой будет по-прежнему прилагать усилия по решению проблем экономики ЕС, связанных с Брекзитом.

---

¹ В коалиционном договоре слово «Брекзит» упомянуто только один раз – в разделе, посвященном рыболовству.

² Согласно исследованию восточногерманского Института экономических исследований им. Лейбница в Галле, «нерегулируемый» Брекзит приведет к потере 100 тыс. рабочих мест в промышленности ФРГ, в первую очередь в автомобилестроении. Франция может потерять 50 тыс., Польша и Италия – примерно по 46 тыс. мест [Holtemöller, 2019].

Германия и противодействие «трампизации» экономических отношений ЕС с США

Берлин – один из лидеров Евросоюза в противостоянии происходящей с начала 2017 г. «трампизации» трансатлантических экономических отношений.

Д. Трамп инициировал минимум три хозяйственных конфликта между США и ЕС: в сфере энергетической безопасности; в торговле сталью и алюминием; во внешнеторговом и инвестиционном сотрудничестве с Ираном.

В августе 2017 г. США приняли закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» («Countering America's Adversaries Through Sanctions Act», CAATSA), предусматривающий, в частности, экстерриториальные санкции против российского проекта «Северный поток-2» и ограничительные меры для компаний, сотрудничающих с Россией в сфере добычи нефти и газа. Тем самым Вашингтон заявил о готовности осуществить прямое вмешательство в вопросы энергетического суверенитета и безопасности Евросоюза. В июне 2017 г. глава МИД Германии З. Габриэль и федеральный канцлер Австрии К. Керн в открытом письме американскому Конгрессу подвергли жесткой критике закон CAATSA (находившийся еще на стадии проекта), указывая, что принятие этого закона может нанести ущерб европейским хозяйствующим субъектам, участвующим в обеспечении энергоснабжения стран ЕС, а также что запланированные санкционные меры противоречат международному праву. Такой подход, по их мнению, мог привести к возникновению нового негативного качества в европейско-американских отношениях [Защита., 2018, с. 126–137].

В 2018 – начале 2019 г. федеральный канцлер, а также глава внешнеполитического ведомства ФРГ Х. Маас и министр экономики и энергетики П. Альтмайер неоднократно подчеркивали неприемлемость американского подхода к вопросам энергетической безопасности ЕС в целом и Германии в частности, указывая, что поставки российского газа, в т.ч. через будущий газопровод «Северный поток-2», полностью соответствуют требованиям в данной области.

Одновременно Берлин был вынужден отстаивать свою точку зрения в Брюсселе, где поддерживающие американскую антироссийскую позицию политики из Польши, Прибалтики и ряда других государств ЕС активно лоббировали идею запрета проекта «Северный поток-2». В начале февраля 2019 г., очевидно, желая смягчить отношения с этой группой стран, МИД Франции выразило готовность поддержать требования об ужесточении контроля ЕС над внешними (морскими) газопроводами. Но в ходе переговоров с немецкими партнерами французская сторона пошла на компромисс, и в итоге Берлин сохранил право принятия самостоятельных решений (хотя и ограниченное необходимостью их утверждения в Брюсселе) в отношении проектов, подобных «Северному потоку-2».

Существенный дефицит Соединенных Штатов во внешней торговле со странами Евросоюза, и в первую очередь с ФРГ, побудил Д. Трампа ввести в 2018 г. заградительные пошлины на поставки европейской стали и алюминия. Кроме того, он заявил о возможности принять аналогичные меры в отношении продукции автомобилестроения. А. Меркель предприняла несколько попыток лично убедить Д. Трампа не вводить упомянутые пошлины, но переговоры закончились безрезультатно, как, впрочем, и аналогичные попытки Э. Макрона. Пошлины начали действовать в июне 2018 г.¹

В начале мая 2018 г. Соединенные Штаты вышли из «ядерной сделки» с Ираном и объявили о введении санкций против Тегерана, которые напрямую затронули многие европейские компании. В ответ на подобное жесткое экстерриториальное санкционное давление со стороны США Брюссель реактивировал так называемый «блокирующий статут» (Blocking Statute), принятый еще в 1996 г. Обновленный статут вступил в силу в начале августа 2018 г. (одновременно с началом действия американских санкций) [Защита..,

---

¹ Конфликт удалось несколько сгладить после переговоров Ж.-К. Юнкера и Д. Трампа в Вашингтоне в конце июля 2018 г. – стороны договорились работать над полной отменой торговых пошлин и воздержаться от введения новых ограничений до проведения переговоров по окончательному урегулированию торговых споров.

2018, с. 18–38]¹. Попытки Берлина, Парижа и Лондона договориться с Вашингтоном об исключениях для европейского бизнеса опять оказались безуспешными. Это побудило Х. Мааса осенью 2018 г. выдвинуть предложение о создании независимой от США европейской системы расчетов и европейского валютного фонда. В начале 2019 г. ФРГ и Франция выступили инициаторами создания организации INSTEX (Instrument in Support of Trade Exchanges, Инструмент для поддержки торговых обменов), через которую можно задействовать специальный механизм для финансовых расчетов Евросоюза с Ираном в обход введенных американской администрацией ограничений².

К началу 2019 г. Германия, опираясь на собственные хозяйственно-политические успехи, подтвердила и даже упрочила свою роль экономического лидера Евросоюза. Основным вектором внешнеэкономической политики нового коалиционного правительства стала поддержка основных реформ, инициированных в Евросоюзе президентом Франции Э. Макроном. Германо-французский тандем остается одним из основных столпов и гарантов совершенствования экономических механизмов интеграционной группировки. Этому должны содействовать договоренности, достигнутые в Мезеберге в июне 2018 г., и новый договор о сотрудничестве и интеграции, подписанный в Аахене в январе 2019 г. Важно, что они обозначили тенденцию к уравниванию экономических и политических интересов партнеров.

---

¹ Германия в соответствии с национальным Внешнеэкономическим регламентом может применять свой собственный блокирующий статут.

² Механизм ориентирован на фирмы (в основном – малые и средние), для которых иранский рынок интереснее североамериканского – понятно, что последний для них в случае сделок с Ираном будет закрыт. Операции могут выглядеть следующим образом: Иран поставляет нефть в ЕС, а выручка от продажи поступает европейским компаниям, которые поставляют иранским клиентам необходимые товары, что позволяет обойти санкции США в отношении банковских расчетов с Исламской Республикой (подробнее см.: [«Special Purpose Vehicle»., 2019]).

Однако успех совместных реформ во многом будет зависеть от восприятия германо-французского сотрудничества другими странами ЕС, а также от развития внутривнутриполитической ситуации, особенно во Франции. Не исключено, что работа обновленного германо-французского тандема усилит не еврооптимистические, а евроскептические настроения в Европе.

Поэтому Германия, стремясь избегать ошибок прошлого (менторство), будет больше внимания уделять выстраиванию взвешенных отношений со всеми странами ЕС, особенно в рамках вовлечения их в реформаторские проекты и повышения уровня их солидарной ответственности. Первые успехи возможны в области цифровой трансформации европейской промышленности и в области выработки общей промышленной политики. Наибольшие сложности будут в достижении консенсуса по финансово-монетарным вопросам.

Берлин (как на официальном политическом уровне, так и на уровне бизнес-сообществ) останется основным апологетом взаимоприемлемого решения проблем, связанных с Брекситом. ФРГ будет предпринимать все возможные шаги для того, чтобы Великобритания осталась одним из основных экономических партнеров ЕС и Германии.

ФРГ останется лидером и в вопросах урегулирования конфликтных ситуаций с США – официальный Берлин будет стремиться (в т.ч. через Брюссель) к достижению золотой середины во взаимных экономических интересах. Но реальных возможностей влияния на американского партнера у ФРГ немного. В среднесрочной перспективе основные решения относительно отношений с ЕС будут приниматься в Вашингтоне.

На этом фоне экономические отношения Германии с Россией имеют существенное отличие. Несмотря на взаимные санкции, двусторонняя хозяйственная кооперация наших стран останется основой российско-европейского сотрудничества, особенно в сфере энергетики.

Литература

Белов В.Б. Европейский вектор внешней политики коалиционного правительства ФРГ // Современная Европа / РАН. ИЕ. – М., 2018 а. – № 4. – С. 46–56.

Белов В.Б. Экономика Германии и Брекзит // Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН. – М., 2018 б. – № 1. – С. 158–165.

Защита государственного суверенитета – Опыт Евросоюза и европейских стран: Монография / РАН. ИЕ.; отв. ред. В.Б. Белов. – М.: Весь мир, 2018. – 204 с.

Кузнецов А.В. Экономическая мощь Германии как основа лидерства страны в Европе // Пределы лидерства Германии в Европе: Сборник статей / РАН. ИМЭМО; отв. ред. А.В. Кузнецов. – М., 2018. – С. 9–14.

Меняющаяся роль Германии в евроинтеграционных и трансатлантических процессах: Аналитический доклад / РАН. ИМЭМО; под ред. В.И. Васильева, А.М. Кокеева. – М., 2018. – 59 с.

Пределы лидерства Германии в Европе: Сборник статей / РАН. ИМЭМО; отв. ред. А.В. Кузнецов. – М., 2018. – 144 с.

Рубинский Ю.И. Франко-германский тандем: Прошлое и будущее // Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Ч. I / РАН. ИЕ.; отв. ред. Е.А. Маслова, О.Ю. Потемкина. – М., 2017. – С. 65–75.

Современная Германия: Экономика и политика / РАН. ИЕ.; под общ. ред. В.Б. Белова. – М.: Весь мир, 2015. – 720 с.

Destatis / Statistisches Bundesamt. – Wiesbaden, 2019. – Mode of access: <https://www.destatis.de> (Date of access – 23.03.2019).

Ein neuer Aufbruch für Europa; Eine neue Dynamik für Deutschland; Ein neuer Zusammenhalt für unser Land: Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. – Berlin, 2018. – 07.02. – 177 S. – Mode of access: <https://dynamic.faz.net/download/2018/koalitionsvertrag.pdf> (Date of access – 23.03.2019).

Erklärung von Meseberg: Das Versprechen Europas für Sicherheit und Wohlstand erneuern // France Diplomatie. – P., 2018. – 19.06. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gouv.fr/de/frankreichs-beziehungen-zu-deutschland-osterreich-und-der-schweiz/bilaterale-beziehungen-mit-deutschland/neuigkeiten/article/europa-gemeinsame-erklarung-deutschlands-und-frankreichs-19-06-2018> (Date of access – 23.03.2019).

Eurostat Database / European Commission. – Luxembourg, 2019. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (Date of access – 23.03.2019).

Holtemöller O. No-deal Brexit would hit the German labour market particularly hard / Halle Institute for Economic Research. – Halle, 2019. – 11.02. –

Mode of access: <https://www.iwh-halle.de/nc/en/press/press-releases/detail/no-deal-brexit-would-hit-the-german-labour-market-particularly-hard/> (Date of access – 23.03.2019).

Hummer W. Vom «Élysée-Vertrag» (1963) zum «Vertrag von Aachen» (2019) // EU-Infothek. – Berlin, 2019. – 04.02. – Mode of access: <http://www.eu-infothek.com/vom-elysee-vertrag-1963-zum-vertrag-von-aachen-2019/> (Date of access – 23.03.2019).

So wichtig ist Deutschland für die EU-Wirtschaft // Wirtschafts Woche. – Düsseldorf, 2017. – 16.06. – Mode of access: <https://www.wiwo.de/politik/deutschland/prognos-studie-so-wichtig-ist-deutschland-fuer-die-eu-wirtschaft/19940874.html> (Date of access – 23.03.2019).

«Special Purpose Vehicle»: So will die EU die Iran-Sanktionen umgehen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – Frankfurt am Main, 2019. – 31.01. – Mode of access: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/eu-will-iran-sanktionen-mit-special-purpose-vehicle-umgehen-16017198.html> (Date of access – 23.03.2019).

Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Französischen Republik über die deutsch-französische Zusammenarbeit und Integration / Bundesregierung. – Berlin, 2019. – 18.01. – 16 S. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/997532/1570126/c720a7f2e1a0128050baaa6a16b760f7/2019-01-19-vertrag-von-aachen-data.pdf> (Date of access – 23.03.2019).

DOI: 10.31249/ape/2019.04.06

V.B. Belov¹, © 2019
Economic and political role of Germany
in the European union

Abstract. *Since the creation of the ECSC, the EEC and Euratom, Germany has consistently strengthened its role in the processes of Western European economic, and then political integration. After the unification of the two German states, German politicians paid special attention to maintaining a balance between national and European interests, seeking to create in the 1990 s and 2000 s of a «European Germany» rather than a «German Europe».*

---

¹ **Belov Vladislav Borisovich** – PhD in economics, deputy director (on science work), head of the Department for country studies, head of the Center for German studies, Institute of Europe RAS (vladislavbelov@yandex.ru).

In the last two decades the German state became the protagonist of institutional changes in the European Union and a jealous supervisor over the implementation by the EU member states of the Maastricht agreements and the Stability Pact. German political leaders supported the main reforms proposed by E. Macron in 2017. Along with ambiguous decisions on migration policy, obvious economic and political domination, the pressure that Germany exerts on southern, central and eastern European countries, causes open discontent with German policy and behavior model in many European states which promotes, among other things, the formation of Euroskeptical attitudes among EU citizens. At the beginning of the 2019, Federal Chancellor A. Merkel, who has led government coalitions for more than 13 years, and her current cabinet faced a number of serious internal and external challenges. The vector of further economic development of the European Union in many respects depends on the efficiency of responses to them. The article analyzes the current economic and political role of Germany in the EU. Special attention is paid to the French-German cooperation, Brexit, the eurozone, processes of digitalization, industrial policy and energy security of the European Union. A forecast is made about the medium-term role and the place of Germany in the European Union.

Keywords: European Union, EU, Germany, France, Russia, eurozone, Brexit, digitalization, energy security.

References

Belov V.B. (2018 a) The European vector of foreign policy of German coalition government [*Evropeiskii vektor vneshnei politiki koalitsionnogo pravitel'stva FRG*] // *Sovremennaya Evropa* / RAS. Institute of Europe. – Moscow. – N 4. – P. 46–56.

Belov V.B. (2018 b). German economics and Brexit [*Ekonomika Germanii i Brekzit*] // Scientific-analytical bulletin of Institute of Europe RAS. – Moscow. – N 1. – P. 158–165.

Destatis. (2019) / Statistisches Bundesamt. – Wiesbaden. – Mode of access: <https://www.destatis.de> (Date of access – 23.03.2019).

Ein neuer Aufbruch für Europa; Eine neue Dynamik für Deutschland; Ein neuer Zusammenhalt für unser Land: Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. (2018). – Berlin. – 07.02. – 177 S. – Mode of access: <https://dynamic.faz.net/download/2018/koalitionsvertrag.pdf> (Date of access – 23.03.2019).

Erklärung von Meseberg: Das Versprechen Europas für Sicherheit und Wohlstand erneuern. (2018) // France Diplomatie. – Paris. – 19.06. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gouv.fr/de/frankreichs-beziehungen-zu-deutschland-osterreich-und-der-schweiz/bilaterale-beziehungen-mit-deutschland/neuigkeiten/article/europa-gemeinsame-erklarung-deutschlands-und-frankreichs-19-06-2018> (Date of access – 23.03.2019).

Eurostat Database. (2019) / European Commission. – Luxembourg. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (Date of access – 23.03.2019).

Holtemöller O. (2019). No-deal Brexit would hit the German labour market particularly hard / Halle Institute for Economic Research. – 2019. – 11.02. – Mode of access: <https://www.iwh-halle.de/nc/en/press/press-releases/detail/no-deal-brexit-would-hit-the-german-labour-market-particularly-hard/> (Date of access – 23.03.2019).

Hummer W. (2019). Vom «Élysée-Vertrag» (1963) zum «Vertrag von Aachen» (2019) // EU-Infothek. – Berlin. – 04.02. – Mode of access: <http://www.eu-infothek.com/vom-elysee-vertrag-1963-zum-vertrag-von-aachen-2019/> (Date of access – 23.03.2019).

Kuznetsov A.V. (2018). Germany's economic power as the basis of the country's leadership in Europe [*Ekonomicheskaya moshch' Germanii kak osnova liderstva strany v Evrope*] // The limits of German leadership in Europe: Collection of articles [*Predely liderstva Germanii v Evrope: Sbornik statei*] / RAS. IMEMO; A.V. Kuznetsov (Ed.). – Moscow. – P. 9–14.

Modern Germany: Economics and politics [*Sovremennaya Germaniya: Ekonomika i politika*]. (2015) / RAS. Institute of Europe; Belov V.B. (Ed.-in-Ch.). – Moscow: Ves' mir. – 720 p.

Rubinsky Yu.I. (2017). The French-German tandem: The past and the future [*Franko-germanskii tandem: Proshloe i budushchee*] // Contemporary Europe: 60 years after the Rome agreements. Part 1 [*Sovremennaya Evropa: 60 let posle Rimskikh dogovorov. Chast' 1*] / RAS. Institute of Europe; Ye.A. Maslova, O. Yu Potemkina (Eds.). – Moscow. – P. 65–75.

So wichtig ist Deutschland für die EU-Wirtschaft. (2017) // WirtschaftsWoche. – Düsseldorf. – 16.06. – Mode of access: <https://www.wiwo.de/politik/deutschland/prognos-studie-so-wichtig-ist-deutschland-fuer-die-eu-wirtschaft/19940874.html> (Date of access – 23.03.2019).

«Special Purpose Vehicle»: So will die EU die Iran-Sanktionen umgehen. (2019) // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – Frankfurt am Main. – 31.01. – Mode of access: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/eu-will-iran-sanktionen-mit-special-purpose-vehicle-umgehen-16017198.html> (Date of access – 23.03.2019).

The changing role of Germany in the EU-integration and transatlantic processes: Analytical report [*Menyayushchayasya rol' Germanii v evrointegratsionnykh i transatlanticheskikh protsessakh: Analiticheskii doklad*]. (2018) / RAS. IMEMO; Vasil'ev V.I., Kokeev A.M. (Eds.). – Moscow. – 59 p.

The defense of state sovereignty – The experience of the EU and the EU member states: Monograph [*Zashchita gosudarstvennogo suvereniteta – Opyt Evrosoyuza i evropeiskikh stran: Monografiya*]. (2018) / RAS. Institute of Europe; Belov V. (Ed.-in-Ch.). – Moscow: Ves' mir. – 204 p.

The limits of German leadership in Europe: Collection of articles [*Predely liderstva Germanii v Evrope: Sbornik statei*]. (2018) / RAS. IMEMO; A.V. Kuznetsov (Ed.). – Moscow. – 144 p.

Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Französischen Republik über die deutsch-französische Zusammenarbeit und Integration. (2019) / Bundesregierung. – Berlin. – 18.01. – 16 S. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/997532/1570126/c720a7f2e1a0128050baaa6a16b760f7/2019-01-19-vertrag-von-aachen-data.pdf> (Date of access – 23.03.2019).